

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г. А. БРУТЯН, *Очерки по анализу философского знания*, Ереван, 1979, 288 с.

Одной из характерных особенностей современного этапа развития философии (как марксистской, так и буржуазной) является обращение философов к анализу философского знания, его природы, специфики, роли в науке, общественной жизни. И в прежние эпохи такая обращаемость философии на собственные структуры была не редкость. Но сейчас этот феномен развернулся на фоне радикальных социальных преобразований в мире и углубляющегося процесса научно-технической революции. Как никогда раньше встает проблема единства культуры, науки, знания вообще. Ни религиозное мировоззрение, ни натуралистская внутринаучная форма мировоззрения, ни идеалистическая разновидность философского мировоззрения не смогли стать подлинной интегрирующей основой духовного развития общества. Таковым может быть только мировоззрение, которое, не будучи сводимым ни к одной из сфер духовной жизни, «снимает» их особенности в высшем синтезе и непротиворечиво дополняет каждую из них адекватно осмысленным всеобщим опытом человечества, т. е. под призмой органического единства понятий истины, правды и справедливости. Ориентация на науку, важная сама по себе, при недоучете или игнорировании демаркационной линии между философией и естествознанием ведет к подмене философии естествознанием, к одностороннему физикализму (например, в понимании времени, причинности), к недооценке аксиологических, ценностных аспектов проблем философского мировоззрения. В таком случае философия перестает быть имманентным интегратором духовной жизни общества.

Специфика философского знания, при определенном ее понимании, не является преградой для выполнения философией интегрирующей функции; наоборот, эта специфичность оказывается важнейшим фактором, обуславливающим способность философского мировоззрения объединять идеологию и науку, этическое и эстетическое, предметно-практическое, аксиологическое и познавательное. В раскрытии специфичности философского знания ныне все больше усматривается возможность более продуктивного развития также и самой философии.

Новый труд академика АН Армянской ССР Г. А. Брутяна, посвященный анализу философского знания, представляет важный вклад в разработку проблемы специфичности философского знания советскими философами. Можно сказать, что с момента выхода в свет данной книги эта проблема от разноаспектных своих разработок впервые оказалась поднятой на комплексный, системный уровень. В этой связи следует заметить, что лишь некоторые из направлений исследований проблемы специфичности философского знания к настоящему времени достигли ощутимых результатов (специфичность философских категорий, специфичность философского метода, специфичность философского объяснения); ряд других лишь обозначен, оставляет ощущение «стихийности», как, например, при раскрытии специфичности критерия практики в философии в процессе критики неопозитивизма. Системный же подход к вопросу способен выявить новые направления, развить слабо обозначенные, нацелить на раскрытие внутренних связей между отдельными сторонами предмета изучения.

Г. Брутян выделяет и анализирует следующие особенные черты философского знания: универсальность категорий, новая форма определения (через противоположность), наличие в его составе «метафилософии», единство онтологии, логики и теории познания, недифференцированное проявление содержательного, формального и форма-

лизованного элементов, интегральная форма практики, всеобщность метода, единство познавательного и практически-преобразовательного, ценностные, критические функции и т. п. На основе такого анализа убедительным становится вывод о качественной специфичности философского знания. В рецензируемой монографии, как, пожалуй, никогда ранее, подчеркнута идея плодотворности марксистской философии (в том числе в области частных наук) на основе выявления специфичности философского знания, его несводимости к какому-либо одному типу знания (например, естественнонаучному).

Отношение между философией и конкретными науками характеризуется, по Г. Брутяну, диалектикой соотношения всеобщего, особенного и единичного (философия, несмотря на ее специфичность, все же относится автором к науке). Однако, указывает он, взаимоотношение между философией и другими науками не проецируется и, следовательно, не может быть выявлено только в одной плоскости. Так как специфические особенности философского знания *многомерны, многоплановы, многогранны*, то и взаимоотношение между философией и конкретными науками должно быть рассмотрено в различных плоскостях, и итоги должны быть обобщены по принципу дополнительности Нильса Бора на уровне его методологического значения (с. 22). Такая постановка вопроса является, несомненно, эвристичной, открывающей новые перспективы в исследовании проблемы.

Хотелось бы только пожелать автору включить в сферу своего анализа вопросы: о специфичности философских проблем, специфичности философских фактов, а также теснее связать всеобщность категорий и метода философии с специфичностью основного вопроса философии.

Г. Брутян глубоко прав, считая, что специфика философского знания достаточно полно не выявляется при обращении только к предметной его специфике. Но, по нашему мнению, такое утверждение целесообразно трактовать более широко. Лишь с точки зрения специфики предмета философии возможен, например, охват также индигенно-экзистенциальных истоков философского знания, их отражения в соответствующих проблемах и категориях. Признание предметной специфичности философии достаточно определенно ставит также вопрос о так называемой концепции распыкования философии (о которой упоминается в книге) и требует установок на концепцию предметного самоопределения философского знания. Учет этих пожеланий автором позволит, как нам представляется, полнее осветить проблему, которая, правда, и без дополнительных экскурсов уже представлена глубоко и интересно.

Второй раздел монографии посвящен вопросу «Философия и аргументация». При определении аргументации обращается внимание на две стороны: логико-гносеологическую (доказательство положения, которое аргументатор считает истинным) и риторическую (формирование убеждения у того, кому адресована аргументация). Особую важность представляет постановка вопросов о структуре аргументации, об отличии аргументации от других видов дискурса, о риторическом компоненте аргументации, ее функциях, о месте в аргументации ее логического компонента, о логической структуре, «архитектонике» аргументации, о взаимосвязи диалектики с аргументацией, о диалектичности аргументации, о месте категории истины в теории аргументации, об этическом и социальном аспектах аргументации.

Проведя внимательный разбор различных точек зрения по данным вопросам, имеющихся в советской и зарубежной литературе по теории аргументации, Г. Брутян намечает некоторые перспективные пути решения проблем. Наиболее ценными являются: 1) несводимость аргументации к форме диалога, возможность ее существования и в других формах; 2) различие «истинной риторики» и «мнимой риторики»; 3) признание важности психологического аспекта аргументации с одновременным обоснованием неправильности считать теорию аргументации ветвью психологии; 4) признание несводимости аргументации к ее логическому аспекту и вместе с тем выступление против умаления роли логики, в том числе и формальной, для аргументации; 5) обоснование положения, что ложная риторика должна остаться за бортом теории аргументации; 6) подчеркивание философского характера аргументации (выявление роли

категории «истина» в теории аргументации, категории «противоречия», «противоположность» и т. п., указание на важность гносеолого-логических, этических, социальных аспектов аргументации).

Значительную ценность представляют: попытка определения философской аргументации (68), выделение различных типов философской аргументации («внутрифилософской» и «межфилософской»), установка на соблюдение условий плодотворности философской аргументации (например, на то, что рассуждения должны вестись па одном и том же уровне обобщения). Все эти вопросы, в том числе вопрос об условиях плодотворности философской аргументации, тесно связываются со спецификой философского знания. Автор убедительно раскрывает теоретическую несостоятельность имеющихся в буржуазной литературе концепций, неправомерно преувеличивающих или же неправомерно умалаяющих роль аргументации в философии.

По данному разделу монографии можно высказать следующее пожелание. Подчеркивая значение «истинной риторики», целесообразно различать истинность некоторого предложения как его объективное свойство, существующее независимо от того человека, который данное предложение высказывает, обосновывает (аргументатора), и то значение истинности, которое аргументатор приписывает данному предложению. Нередки ведь случаи, когда человек пытается доказать положение, которое он считает истинным, а на самом деле оно является ложным. Упрекнуть его в этом случае в недобросовестной аргументации, в «мнимой риторике», по-видимому, нельзя, но можно ли в данном случае говорить об «истинной риторике»? Необходимо различие между объективной истинностью и оценкой предложения аргументатором учитывать при разработке теории аргументации.

В следующем разделе книги рассматривается язык философии. Как и при раскрытии проблемы аргументации, здесь также раскрывается специфичность философского знания, конкретизируются представления о специфичности философии.

Сравнивая язык философии с языком частных наук и с обыденным языком, автор обращает внимание на следующее обстоятельство: словарный состав обыденного языка теснее связан с языком философии (объяснение данного феномена автор справедливо усматривает в особенности философского знания как мировоззрения). Из специфики философского знания, по Г. Брутяну, вытекает также то, что ни одна наука не имеет такого широкого входа в другие и столь же широкого выхода из других наук, как философия. Сравнение понятийного состава философских исследований последних десятилетий с исследованиями предыдущих периодов показывает, что язык философии, с точки зрения его семантики, намного обогатился за счет переосмысления достижений естественных и общественных наук, обобщений литературы и искусства. Но, как подчеркивается в книге, здесь нет механического включения научно-научных понятий в категориальную систему философии: при расширении или пересмотре своего понятийного аппарата философия по-своему переосмысливает вводимые из других наук понятия; философия и частные науки при исследовании объекта выявляют его свойства на различных уровнях абстрагирования и обобщения. Анализ специфики языка философии приводит Г. Брутяна к важному выводу: понятия, вводимые в философию из повседневной жизни и из других наук, а также из литературы и искусства, как и понятия, отражающие пройденные этапы развития философского знания, рассматриваются как экспликации (неточные, хотя и интуитивно хорошо знакомые понятия) и посредством экспликации (уточнения, замены) превращаются в экспликаты (в новые, точные понятия). Только посредством указанной экспликации, подчеркивает автор, может быть достигнута в философской науке высокая точность и ясность понятий.

Такая постановка вопроса имеет, помимо прочего, важный идеологический аспект. При редукции языка философии к языку частных наук исчезает специфика мировоззренческого знания, основной вопрос мировоззрения и открывается дорога «дендеологизированному» языку. В нашей литературе нередко утверждения, будто философские категории «конкретизируются» при их применении в научно-научном познании в частных же понятиях. Следствием этого служит представление, будто язык частных наук не содержит в себе терминов философии. Позиция же Г. Брутяна нацелена про-

тив такого «очищения» частных наук от философии: философский язык (и в этом убеждает его книга) проникает в саму ткань научного знания, в язык частных наук, содействуя приращению научной информации.

Значительное место отводит автор философским аспектам языка. Он останавливается на концептуальной и языковой модели мира, на лингвистической относительности и лингвистической дополнительности. Большой научный интерес (в плане выявления общенаучного статуса принципа дополнительности) представляет применение принципа дополнительности к изучению роли языка в возникновении картины мира в нашем сознании. При этом Г. Брутян подчеркивает, что возникновение картины мира в сознании людей в целом—это отнюдь не лингвистическая проблема (хотя так думают сторонники теории лингвистической относительности); этот процесс—проблема гносеологии. «Но, применяя в данном случае «принцип лингвистической дополнительности», мы подчеркиваем то,—утверждает автор,—что лингвистический компонент, языковая информация выступают не в качестве одной из двух равнозначных моделей действительности, а в качестве *вспомогательного, дополнительного* источника познания мира, возникновения его картины» (с. 239).

Заключает книгу экскурс в комплекс логических дисциплин, в результате чего уточняется типология логик (выделяются, например, содержательные, формальные и формализованные логики) и уточняются некоторые отношения их взаимоотношения. Один из главных выводов автора следующий: «Поскольку имеется множество логических наук (систем) и поскольку они являются равновозможными (в аспекте эквивалентности их научных данных—в смысле истинностных значений), то только учет всех этих данных, их совокупность может относительно полно воспроизвести научную картину того феномена, который условно можно назвать логикой рассуждения, логикой мыслительного акта» (с. 274).

Книга от начала до конца пронизана идеей специфичности философского знания. Хотя форма изложения исследования («Очерки...») и позволяла автору существенно обособить разделы друг от друга, они тесно связаны единством замысла, единством главной идеи, причем так, что знакомство с работой оставляет впечатление целостного монографического исследования. В этом—несомненное достоинство данной книги. Хотелось бы видеть более расширенными первые три раздела, повышение их удельного веса в общей структуре монографии.

Книга академика Г. Брутяна—одна из немногих философских книг, сразу же ставшая библиографической редкостью. Большая потребность в этой книге, в исследовании природы философского знания, проведенного на высоком профессиональном уровне и, с другой стороны, крайне малый тираж данного издания, не дошедшего даже до основной части специалистов других философских центров страны,—все это обуславливает необходимость постановки вопроса о переиздании рецензируемой книги.

П. В. АЛЕКСЕЕВ (Москва),
доктор философских наук, профессор